

«ВСЁ К РАЗМЫШЛЕНИЮ ВЛЕКЛО»: К 225-ЛЕТИЮ А. С. ПУШКИНА

УДК 811.161.1'42+821.161.1(Пушкин А. С.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-27-37.
ББК Ш141.12-51+Ш33(2Рос=Рус)5-8,4.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

СОВРЕМЕННАЯ ПУШКИНИАНА В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ МЕДИАДИСКУРСА

Гридина Т. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>
SPIN-код: 9100-3240

Коновалова Н. И.

Уральский государственный педагогический университет
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>
SPIN-код: 5984-0528

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается прецедентная составляющая современной медиакоммуникации. Актуальность обращения к пушкинской теме в разных способах ее трансляции жанровыми формами дискурса СМИ определяется необходимостью осмысления динамики культурного фона представителей современного социума как индикатора «языкового вкуса эпохи». Предметом исследования выступает «пушкинский текст», понимаемый в широком смысле как национально-культурный феномен, имеющий полимодальную семиотическую природу. Данный ракурс рассмотрения дает возможность комплексного анализа различных прецедентных феноменов, связанных с фактами биографии и творчества А. С. Пушкина, в свете особенностей их восприятия и интерпретации. Специфическим аспектом такой интерпретации является языковая игра, основанная на актуализации и переключении ассоциативных стереотипов оценки соответствующих прецедентов в жанре интернет-мема. Под интернет-мемом понимается жанр, транслирующий информацию в многовекторном тематическом регистре, развивающем определенную идею, многократно ее репродуцируя и трансформируя с помощью разных креативных приемов. В этом жанре находит отражение синкретичное слияние знаков вербального и визуального кодов, создающих новые прецедентные тексты на базе переосмысленных прототипов. Методология исследования вписывается в русло направления «Лингвистика креатива» и включает в себя характеристику вербального и невербального (визуального) компонентов поликодового (креолизованного) текста интернет-мемов, обыгрывающих пушкинские прецеденты. С опорой на механизмы преобразования исходного прототипа при помощи контекстуального и дефиниционного анализа выводятся импликатуры (затекстовые смыслы), сопровождающие создание игровых трансформ. Результаты. Выявлены стратегии восприятия и особенности ассоциативного контекста игровой интерпретации «пушкинского текста» в современной медиакоммуникации. Установлены такие практики смысловой и формальной трансформации «пушкинского текста», как серийность, обуславливающая прецедентообразующую функцию игрового мема; рефрейминг, меняющий референтную «привязку» обыгрываемого прецедента и его исходную оценочную доминанту. Отдельное внимание уделяется мемам, в пародийном ключе представляющим практики цензурной правки пушкинских произведений, в частности, применительно к дискредитации критериев формальной оценки школьных сочинений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пушкинский текст; интернет-мемы; оценочные коннотации; языковая игра

Для цитирования: Гридина, Т. А. Современная пушкиниана в коммуникативных практиках медиадискурса / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 27–37. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-27-37.

MODERN PUSHKIN STUDIES IN THE MEDIA DISCOURSE COMMUNICATION PRACTICES

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

Abstract. The article examines the precedent constituent of modern media communication. The urgency of addressing Pushkin theme in various versions of its translation by genre forms of media discourse is determined by the need to understand the dynamics of the cultural background of representatives of modern society as an indicator of the “linguistic taste of the epoch”. The object of the study is “Pushkin text”, understood in a broad sense as a national cultural phenomenon having a polymodal semiotic nature. This perspective allows the researcher to comprehensively analyze various precedent phenomena related to the facts of A. S. Pushkin’s biography and work, in the light of the peculiarities of their perception and interpretation. A specific aspect of this interpretation is represented as a language game based on the actualization and switching of associative stereotypes of evaluating relevant precedents in the genre of Internet meme. The Internet meme is understood as a genre that conveys information in a multi-vector thematic register that develops a certain idea, reproducing it many times and transforming it via various creative techniques. This genre reflects the syncretic fusion of signs of verbal and visual codes, creating new precedent texts based on reinterpreted prototypes.

The research methodology fits into the mainstream of “Linguistics of the Creative” and includes the characterization of verbal and non-verbal (visual) components of the polycode (creolized) text of Internet memes that interpret Pushkin’s precedents. Based on the mechanisms of transformation of the original prototype, the implicatures (non-textual meanings) accompanying the creation of game transformations are derived using contextual and definitional analysis.

As a result of the study, the strategies of perception and the specific features of the associative context of game-based interpretation of “Pushkin text” in modern media communication are revealed. The article describes such practices of semantic and formal transformation of “Pushkin text” as seriality, which determines the precedent-forming function of the game meme; reframing, which changes the referential “binding” of the interpreted precedent and its initial evaluative dominant. Special attention is paid to the memes, which paradoxically represent the practice of censoring Pushkin’s works, in particular, in connection with the discreditation of the criteria for formal evaluation of school essays.

Keywords: Pushkin text; Internet memes; evaluative connotations; language game

For citation: Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2024). Modern Pushkin Studies in the Media Discourse Communication Practices. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 27–37. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-4-27-37.

Введение

Пространство медиакommunikации представляет собой сложный комплекс самых разных дискурсивных практик – совокупность всех процессов, жанровых форм и продуктов речевой деятельности в области СМИ, направленных на взаимодействие с аудиторией **в интерактивном ключе** [см., например, Бубнова 2007; Бударина 2019; Ван Дейк 1989; Иссерс 2017; Ремчукова; Степанов 1995 и др.]. Особая роль современного медиадискурса проявляется в креативной «обработке» передаваемой информации в расчете на реакцию адресата, способного к дешифровке нестандартного кода сообщения [Гридина, Коновалова 2019].

Метаязыковой техникой такого взаимодействия становятся механизмы и приемы языковой игры, «... общая стратегия которой связана с одновременной актуализацией и преднамеренным переключением, ломкой ассоциативных стереотипов восприятия, порождения и употребления <языкового знака> как единицы коллективного и индивидуального сознания» [Гридина 2006: 11]. Частными конструктивными принципами языковой игры, моделирующими новый контекст интерпретации соответствующих игровых трансформ, выступают ассоциативная провокация, ассоциативное наложение, ассоциативная выводимость, ассоциативное отождествление на парадоксальном основании, имитация в виде пародирования и стилизации¹. Отметим, что особенностью игровых жанровых форм массмедиа является продвижение неких установок, отвечающих мировоззренческим, ценностным аспектам восприятия передава-

емой информации разными группами социума [Гридина, Коновалова 2022; Тарасов, Нистратов, Матвеев 2020 и др.].

Одной из игровых практик современного медиадискурса являются эксплуатация и ассоциативное перекодирование разного рода прецедентов, узнаваемость которых становится базой для реализации как рационального, так и эмоционального посыла к адресату.

Данный (аллюзивный) регистр языковой игры апеллирует к культурному фону говорящих, представляя передаваемое содержание в лингвокреативном ракурсе.

Активно востребованным в игровой коммуникации является так называемый «пушкинский текст» – цитатные фрагменты, отсылки к названиям произведений Пушкина, обыгрывание их тематики и сюжетных коллизий, а также обращение к фактам биографии поэта. «Пушкинский текст» (в широком – лотмановском – понимании) выступает при этом как универсальный, всеобъемлющий национально-культурный феномен. Закономерно рассмотрение такого текста как семиотически многомерного объекта, создаваемого при помощи разнородных «языков» и допускающего множественность интерпретации в моделировании семантики «возможных миров» [Лотман 1995].

Аллюзивные векторы игровой интерпретации «пушкинского текста»

Рассмотрим конкретные жанровые формы, эксплуатирующие пушкинские прецеденты в массмедийном дискурсе и раскрывающие содержание самого известного клише, прочно связанного с именем поэта: «Пушкин – наше все». Эту фразу знает каждый. В 1859 году ее произнес русский поэт и мыслитель Аполлон Григорьев. Он утверждал, что поэты вообще – «глашатаи великих истин и

¹ Данные конструктивные принципы сформулированы Т. А. Гридиной в докторской диссертации «Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры)». М., 1996.

великих тайн жизни», а Пушкин – первейший из них [Седова]. Учитывая личностный опыт носителей языка, можно поставить вопрос «Пушкин – наше что?» применительно к конкретике современной ситуации.

Гений Пушкина в области поэзии непререкаем. Широко известен и прецедент «*гений чистой красоты*» (из стихотворения «Я помню чудное мгновенье», посвященного Анне Керн).

Сохраняя свою «узнаваемость», данная фраза получает в современном культурном контексте более широкий смысл, отождествляясь с высокой оценкой творчества поэта (по сути, здесь *гений чистой красоты* – это Пушкин). При этом сам прецедент может выступать в трансформированном виде, подвергаясь ситуативной интерпретации (в частности, в регистре языковой игры).

Таково, например, обыгрывание трансформы «*Чистый гений*» в названии новостного сюжета о памятнике Пушкину в Екатеринбурге, который помыли студенты к дню рождения поэта (такая акция традиционно проходит в городе каждый год). Намеренно смоделированное наложение прямого и переносного значения данной фразы в опоре на прецедентный прототип создает двойной эффект восприятия передаваемой информации, привлекая внимание адресата (телезрителей) игровой формой сообщения и маркируя инициативу студентов – мытье памятника как дань уважения гению.

Не менее известна апелляция к игровому прецеденту «*А платить кто будет? Пушкин?*». Происхождение этой реплики точно не установлено, но, безусловно, связано с переосмыслением пушкинской ипостаси «*наше все*» применительно к разным сферам бытия. Вспомним, например, ироническое тиражирование трансформированных вариантов этой реплики в художественных текстах:

Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по нескольку раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» Или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»);

Бендер выдал мальчику честно заработанный рубль. – Прибавить надо, – сказал мальчик по-извозчицки. – От мертвого осла уши. Получишь у Пушкина. До свидания, дефективный (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»).

В современном социокультурном контексте анализируемая прецедентная фраза используется в рекламе социальной акции «Пушкинская карта», которая в виде воображаемого интерактивного диалога организаторов проекта со студентами и школьниками мотивирует их на посещение теат-

ров: «*А платить кто будет? Пушкин?*» (ср. трансформу: «*А за билет Пушкин заплатит*»). В последнем случае фраза в буквальном смысле отсылает к акции субсидирования пушкинской картой материальных затрат на покупку театральных билетов. Но одновременно всплывает и второй, оценочный, подтекст фразы: в любом деле инициативу для достижения результата – получения удовольствия, развития эстетического вкуса, эрудиции и т. п. – следует проявлять самостоятельно.

Обращение к прецедентным феноменам (прецедентному имени, высказыванию, ситуации и т. п. [Русское культурное пространство... 2004]) чрезвычайно широко представлено в жанре **интернет-мема**, транслирующем определенную информацию в многовекторном тематическом регистре, развивая определенную идею, многократно ее репродуцируя («реплицируя» [Докинз 1993]) и трансформируя с помощью разных креативных приемов. Это проявляется, в частности, в таком качестве интернет-мема, как **серийность**, когда созданный мем не только обыгрывает некую аллюзию, но и начинает выступать в качестве **самостоятельного прецедента**.

Особо подчеркнем тот факт, что «... мемы выступают как знаки (физические матрицы) с информационным содержанием, внедренным в семиотическую систему» [Федоров 2024: 36], имея чаще всего креолизованный характер [Сорокин, Тарасов 1990; Петров, Петрова, Шустрова 2020]. Типовая организация мема включает в себя визуальный ряд, сопровождаемый текстовым слоганом. Дополняя друг друга, данные компоненты создают запланированный эффект воздействия на адресата.

Отмеченные параметры позволяют рассматривать интернет-мем как «новый вид полимодального дискурса» [Канашина 2016], предполагающего выведение игровых импликаций при декодировании невербального и вербального кодов сообщения. При этом «... моделирование и дешифровка <такого рода> игрем апеллируют, с одной стороны, к рефлексии над языковыми фактами в свете их собственно лингвистической квалификации, с другой стороны, к метакомментарии, преднамеренно (парадоксально) вписывающему прототип в иную систему координат (проблематики, актуальной для пользователей Сети» [Гридина, Талашманов 2020: 134].

«Пушкинский текст» (в широком семиотическом смысле этого слова, включая факты биографии) обыгрывается, например, в нижеприведенных мемах (см. рис. 1–9).

Поэт предстает в медиадискурсе в разных ипостасях своей индивидуальности. Так, в одном из мемов (рис. 1) творческий процесс создания Пушкиным стихов интерпретируется с позиций современной виртуальной коммуникации в соцсетях.

Рис. 1. Надо срочно обновить аватарку

Видеоряд – Пушкин с пером в руке (типичный визуальный образ поэта) в задумчивости смотрит в окно на облетающие листья (аллюзия на Болдинскую осень – чрезвычайно плодотворный для Пушкина период). На столе, за которым он сидит, – чернильница и чистый лист бумаги (непеременные атрибуты воплощения поэтического вдохновения). Вербальный ряд представлен «фиксацией» как бы внезапно осенившей Пушкина мысли: «Надо срочно обновить аватарку, пока листья есть». См. аватарка – «альтер эго» условного интернет-персонажа, способ самопрезентации через графическое представление, которое пользователь меняет в зависимости от ситуации, настроения, психологического состояния. В данном случае транслируется идея «поймать уходящее мгновение, не упустить минуту творческого самовыражения». Визуально обыгры-

вается и омонимия слова *лист* – в виде последнего чистого бумажного листа на столе (которого вот-вот коснется перо поэта) – явная аллюзия на пушкинское «Минута – и стихи свободно потекут...!». Обновление аватарки – своеобразная техника сообщения актуальной информации о себе – выступает в данном меме в виде осовремененной игровой идентификации, представляя образ поэта в состоянии творческого порыва. Возможно, здесь есть и ассоциативная отсылка к известной фразе из трагедии Гете «Остановись, мгновение! Ты прекрасно!» в значении «точка наивысшей гармонии с самим собой».

Обыгрывание ценностных доминант восприятия творчества Пушкина носителями русской лингвокультуры представлено в следующем меме (рис. 2).

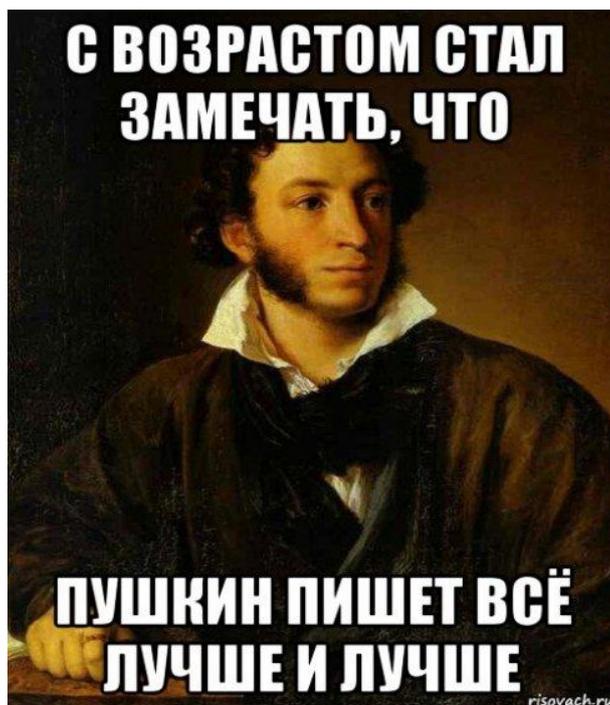

Рис. 2. Пушкин пишет все лучше и лучше

Видеоряд – самый известный и растиражированный портрет А. С. Пушкина, созданный В. А. Тропининым. Поэт запечатлен в период творческого расцвета: уже написаны «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Борис Годунов» ..., начат «Евгений Онегин». Взгляд Пушкина, устремленный вдаль, создает иллюзию того, что в этот момент поэтом овладевают замыслы новых произведений.

Вербальный ряд – фраза, как будто бы произнесенная тем, кто смотрит на портрет: «С возрастом стал замечать, что Пушкин пишет всё лучше и лучше».

Эта реплика имеет как минимум двойной

смысл: с одной стороны, юмористически обыгрывается ситуация, которая характеризует отношение говорящего к Пушкину как «живому» (пишущему) автору, парадоксально переворачивая логику осмысления творчества поэта (не Пушкин пишет все лучше, а читатель с годами понимает его все глубже). С другой стороны, в подтексте звучит тема непреходящей ценности и актуальности пушкинских произведений.

Одним из векторов обыгрывания «пушкинского текста» в жанре мема является обращение к теме цензуры стихов поэта в пародийном ключе (рис. 3).

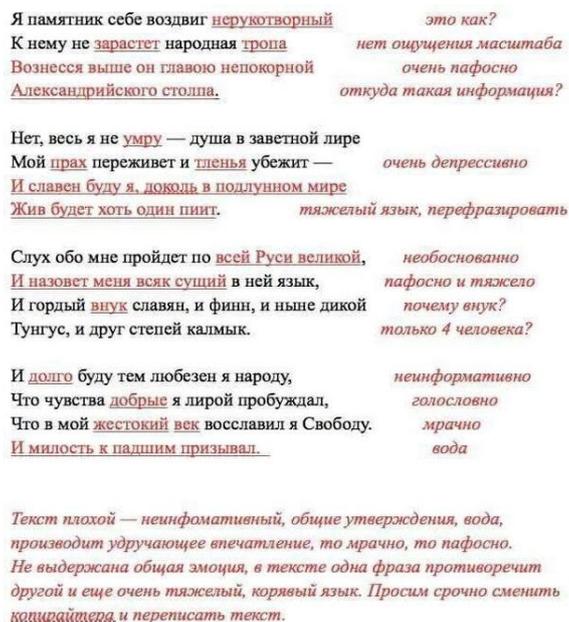

Рис. 3. Я памятник себе воздвиг...

Видеоряд – фотография стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» с заметками на полях, имитирующими примечания редактора к этому программному произведению. Здесь обыгрывается профанный (чисто формальный) подход к анализу художественного текста, в частности, распространенный в практике оценки школьных сочинений по критериям «точность», «аргументированность», «логика», «стиль» и т. п.

Попытка так называемого (неназванного, виртуального) рецензента «исправить» Пушкина касается нескольких аспектов:

(а) **буквального восприятия** смысла этого текста в целом и отдельных его фрагментов (см., например, ремарку *это как?* к эпитету *нерукотворный* – о памятнике, который, по мнению цензора, нельзя сотворить *не руками*; констатирующий комментарий *нет ощущения масштаба* к метафоре *не зарастёт тропа* как оппозиция к *широкая дорога*; вопросы *почему внук?* к метафорическому перифразу *внук славян* = «потомок»; *только 4 человека?* – о перечислителем ряду этнонимов *славянин, финн, тунгус, калмык* с семантикой всеобщности «*всяк сущий*»);

(б) **отрицательной оценки** использования Пушкиным **стилистического регистра высокой лексики** (см., например, ремарки *очень пафосно, тяжё-*

лый язык, пафосно и тяжело – о выражениях со старославянизмами *вознёсся, главою, прах, тленья, сущий*);

(в) недостаточной **«аргументированности»** и **«конкретики»** текста (см. комментарии *откуда такая информация?*; *необоснованно*; *неинформативно*; *голословно*; *вода* – к соответствующим фрагментам текста, воспринятым буквально);

(г) **оценочной переакцентировки** общего высокого поэтического стихотворения о божественном предназначении (бессмертии творческого наследия) поэта в буквальный план «бренности человеческого существования» (см. выделение «редактором» фрагментов, характеризующихся ремарками *очень депрессивно* – о фразе *Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживёт и тленья убежит*; *мрачно* – о фрагменте *... в мой жестокий век...*).

Резюме, завершающее эту пародийную рецензию, стилизовано под экспертное заключение, содержащее перечень отмеченных «недостатков» и рекомендованное для переписывания по определенному шаблону.

Для искусственного адресата пародийная составляющая данного мема может быть еще более многослойной, в частности, отсылая к практике самого поэта, любившего «подмечать» дефекты не

только чужих, но и собственных сочинений¹. Например, о П. А. Плетневе – писателе и журналисте, близком друге Пушкина: «Мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи, – он **не имеет никакого чувства, никакой живости – слог его бледен, как мертвец**» (из письма Л. С. Пушкину, с. 44); о В. А. Озерове – русском драматурге, популярном трагике начала XIX века: «У нас нет театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическим слогом – и то **неточным и заржавым**» (из письма П. А. Вяземскому, с. 55); о себе в сравнении с Е. А. Баратынским: «**Баратынский – чудо – мои пьесы плохи**» (из письма А. А. Бестужеву, с. 81).

Известны также многочисленные прецеденты, зафиксированные в опубликованных письмах, заметках, дневниковых записях поэта, где он дает оценочные комментарии по поводу цензурной правки собственных текстов:

«Уж эта мне цензура! Жаль мне, **что слово вольнолюбивый ей не нравится**: оно так хорошо выражает нынешнее *liberal*, оно **прямо русское**, и верно почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем сло-

¹ Далее цитаты из писем Пушкина приводятся по: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том 10. Письма. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 910 с.

варе вместе с шаротыком и с топталищем» (из письма Н. И. Гречу, с. 31).

В этой связи отметим и положительное оценочное суждение Пушкина о замечаниях цензуры к поэме «Кавказский пленник»:

«Но какова наша цензура? признаюсь **никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике. Ее критика приносит честь ее вкусу. Принужден с нею согласиться во всем: Небесный пламень слишком обыкновенно; долгий поцелуй поставлено слишком на выдержку** (trop hasarde). Его томительную негу вкусила тут она вполне – **дурно, очень дурно** – и потому осмеливаюсь заменить этот киргиз-кайсацкий стишок следующими: какой угодно поцелуй разлуки союз любви запечатлел» (из письма Н. И. Гнедичу, с. 37).

Особый аспект игровой актуализации «пушкинского текста» представляет собой смоделированная рядом мемов аллюзивная переключка тем и цитатных фрагментов его произведений и фактов биографии с культурными прецедентами последующих эпох. См., например, серию мемов (рис. 4), обыгрывающих тему дуэли Пушкина применительно к ситуации сдачи ЕГЭ.

Рис. 4. ЕГЭ и классики

Невербальный ряд этих мемов представлен изображением Пушкина и Гоголя с пистолетами в руках, как будто бы направленными на школьника, сдающего экзамен по литературе. В качестве сопровождающих титров приведены фразы «Do you read it?!»; «Говоришь, читал нас в кратком изложении?». При этом в структуру одного из мемов, по «канонам» медиакоммуникации, включен комментарий некоего пользователя соцсети Сани Игнатенко: «Пушкин плохо стреляет». Приведенный интернет-комментарий вкупе с общим содержанием мема актуализирует имплицатуры, отсылающие как к трагическому факту биографии поэта, так и к элиминации через шутивную браваду школьника самой угрозы не сдать экзамен. См. мемы с тем же визуальным рядом и вариативными надписями: «ЕГЭ по литературе сдал?»; «У тебя три ошибки в од-

ном слове!» и др. Стилизация под клише советских плакатных призывов – еще один аллюзивный вектор языковой игры в данном случае (например: *А как ты сегодня работал? // Учись и работай! Работай и учись! // Днем – работать, вечером учиться! // Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь!*).

Одновременно данная серия мемов отсылает к прецеденту «Криминальное чтиво» (известному бестселлеру Квентина Тарантино), в котором представлен ряд криминальных историй, объединенных общими персонажами и темами. Ассоциативное отождествление данного названия с произведениями классиков, не прочитанными школьниками или прочитанными ими в кратком изложении, создает юмористический эффект дискредитации безграмотности и отсутствия сколько-нибудь глубоких знаний по литературе. Не случайно

сближение (намеренное столкновение) лексем *чтение* и *читиво* и в плане игровой актуализации аллюзий на «детективную» («криминальную») составляющую некоторых пушкинских и гоголевских сюжетов.

Прецедентный «пушкинский текст» также представлен в медиакоммуникации сериями мемов, эксплуатирующих технику рефрейминга. **Игровой рефрейминг** соотносится с процессом «реконтекстуализации, ... который извлекает текст, знаки или значения из его исходного контекста и повторно использует его в другом контексте» [Коннолли 2014]. При этом интенция интерпретатора намеренно переключает исходную референтную «привязку» прецедентного прототипа в новое оценочное измерение. Применительно к предмету нашего исследования можно выделить следующие типы подобного игрового рефрейминга:

1. **Виртуальный диалог Пушкина с поэтами последующих эпох.** Например (рис. 5): Пушкин читает Бродского – надпись под изображением поэта, редактирующего стихи своего «коллеги по цеху». Поза Пушкина и перечеркнутые им страницы стихотворных сборников И. Бродского, а также многочисленные закладки в этих книгах явно выражают заинтересованное (в том числе, возможно, и критическое) отношение классика к мыслям и поэ-

Рис. 5. Пушкин читает Бродского

2. **«Вплетение» пушкинских строк (поэтических цитат) в обозначение бытовых ситуаций разного рода.** См., например (рис. 7): Пушкин на фоне осенней природы, опавших желтых листьев с надписью «Октябрь уж...» = скоро зима. В памяти всплывает продолжение строфы: *Октябрь уж наступил, уж роща отряхает последние листья с нагих своих ветвей.* Опоэтизированный Пушкиным период в природе предстает в виде своеобразной погодной «приметы»: как будто бы перелистывается календарь, и в преддверии наступающей зимы люди прощаются с красотой уходящей осени.

Приведем еще один мем того же типа (рис. 8). Невербальный ряд: Пушкин с лопатой у занесенных снегом автомобилей и подпись «Зима. Что делать нам в деревне?». Рисунок, иллюстрирующий эти строки, переводит их смысл в профанный, аб-

литической форме одного из интереснейших поэтов XX века, который считал, что «... поэт – средство или инструмент языка ... Поэзия, в сущности, высшая форма лингвистической, языковой деятельности» [Бродский]. В этом меме считывается аллюзия на реформаторскую роль Пушкина в обновлении литературного языка как переключки с творческими поисками новых поколений поэтов-экспериментаторов.

(рис. 6): Пушкин в задумчивой позе на фоне осенней природы с как бы сопровождающей его размышления надписью: *Осень, осень... ну, давай Есенина спросим... где он май.* Ключевая фраза мема получает двоякую актуализацию через отсылку к весенней «тематике» стихов С. Есенина (таково, например, самое известное есенинское «Синий май. Заревая теплынь»; *Хочешь, пес, я тебя поцелую за пробуженный в сердце май?...* и др.) и песне группы «Лицей»: *Осень, осень, ну давай, у листьев спросим, где он май, светлый май...* Такое сопоставление ассоциативно сближает «природную символику» творческого расцвета Пушкина («И с каждой осенью я расцветая вновь») и Есенина («Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне»), отражая, с одной стороны, особенности мироощущения поэтов, с другой стороны, переключая заданную антитезу в план иронической сентенции.

Рис. 6. Ну, давай у Есенина спросим...

солютно бытовой план. В исходном тексте эта фраза вписана в совершенно другой ситуативный контекст, передающий состояние тоски лирического героя в отсутствие творческого вдохновения: *Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет, по капле медленно глотаю скуки яд. Читать хочу; глаза над буквами скользят, А мысли далеко ... Я книгу закрываю; беру перо, сижу; насильно вырываю У музы дремлющей несвязные слова. Ко звуку звук нейдет ... Теряю все права Над рифмой, над моей прислужницею странной: Стих вяло тянется, холодный и туманный. Усталый, с лирою я прекращаю спор... Тоска! Так день за днем идет в уединенье!*

Намеренно смоделированное столкновение двух контрастных интерпретаций ключевой фразы в составе мема и в контексте пушкинского стихотворения создает комический эффект игрового рефрейминга, поддержанный визуальным образом

Пушкина рядом с современными автомобилями, задумавшегося над насущными бытовыми про-

блемами (о необходимости заняться физической работой: очистить двор и автомобили от снега).

Рис. 7. Октябрь уж ...

3. Намеренно парадоксальная референция – «привязка» поэтического прецедента к характеристике нового объекта по принципу «ассоциативной провокации» (обманутого ожидания). См., например (рис. 9): визуальный ряд мема – снежная

Рис. 8. Зима. Что делать нам в деревне?

баба на горке, на которую с восторгом смотрит Пушкин. Надпись: «*Всё в ней гармония, всё диво, Всё выше мира и страстей...*» (строки стихотворения «Красавица», посвященного поэтом первой красавице Петербурга графине Е. М. Завадовской).

Рис. 9. Все в ней гармония, все диво ...

Комический эффект вызван контрастом между исходной адресацией этих строк и визуализированным референтом – снежной бабой. В меме намеренно спровоцирована актуализация двух значений слова баба: а) *сниж. разг.* по отношению к женщине (чаще из простонародья) и б) по отношению к фигуре, слепленной из снега. В данном случае эти смыслы, соединяясь с метафорическим выражением *холодная красавица*, иронически окрашивают прототипический образ, переводя пушкинское сравнение в новое оценочное измерение.

Заключение

Представленный анализ разных игровых жанров медиадискурса (названий новостных сю-

жетов, рекламных слоганов и интернет-мемов) позволяет констатировать, что «пушкинский текст» – культурный код, который не утрачивает свою актуальность в современной коммуникации, в частности, задавая новые ракурсы рецепции разных аспектов его творчества и фактов биографии.

Медиакоммуникация – особый регистр трансляции «пушкинского текста», интерпретирующий его в лингвокреативном ключе. Наиболее популярна в этом отношении жанровая форма мема, которая выступает актуальным (в первую очередь, для молодежи) способом обработки и трансляции прецедентных прототипов, в том числе в виде моделирования целых сюжетных серий.

При этом сам мем получает прецедентообра-

зующую функцию, отражая динамику осмысления культурного фона исходного прототипа разными стратами современного социума. Наиболее показательной в этом отношении является стратегия игрового рефрейминга, выступающего средством перекодирования прецедентных смыслов в новые актуальные версии их «прочтения», преимущественно с использованием конструктивных принципов ассоциативной провокации и ассоциативного наложения.

«Он победил и время, и пространство...», – писала Анна Ахматова в «Слове о Пушкине» [Ахматова 2024]. Это в полной мере подтверждается не только всем творческим наследием поэта, но и отношением к пушкинскому слову как к «живому» прецеденту. Даже небольшая выборка рассмотренных мемов позволяет говорить об их рефлексивном характере, в частности, о том, что Пушкин не «мумифицирован» в современном языковом ландшафте. Контраст между исходным смыслом и новой референтной привязкой пушкинских строк порождает юмористический эффект, и в то же время в мемах – через визуализированные отсылки к всеми узнаваемому внешнему облику поэта, чертам его характера, пристрастиям, творческим озарениям – высвечивается его соприсутствие в разных сферах бытия как реального участника событий.

Перспективным направлением исследования «пушкинского текста» представляется экспериментальная психолингвистическая верификация восприятия такого рода прецедентов обыденным языковым сознанием.

Перспективным направлением исследования «пушкинского текста» представляется экспериментальная психолингвистическая верификация восприятия такого рода прецедентов обыденным языковым сознанием.

Литература

- Ахматова, А. А. Слово о Пушкине / А. А. Ахматова. – М. : Эксмо, 2024. – 320 с.
- Бродский, И. А. Нобелевская лекция / И. А. Бродский. – URL: <http://lib.ru/BRODSKI|lect.txt> (дата обращения: 10.10.2024). – Текст : электронный.
- Бубнова, И. А. Значение слова как единица индивидуального сознания (психолингвистический аспект) / И. А. Бубнова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 13–19.
- Бударина, О. А. Интернет-мем как новая форма массовой культуры / О. А. Бударина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 2 (88). – С. 98–106.
- Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
- Гридина, Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры / Т. А. Гридина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2006. – № 4. – С. 11–24.
- Гридина, Т. А. Аксиологические доминанты социума в зеркале игрового медиатекста / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тезисы докладов международной научной конференции, Екатеринбург, 15–17 октября 2019 года. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 73–74.
- Гридина, Т. А. Социокультурные аспекты восприятия игровых поликодовых текстов в пространстве современного города / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 49–59.
- Гридина, Т. А. Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 134–143. – DOI: 10.26170/pl20-02-14. – EDN BZFUL.
- Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М. : Мир, 1993. – 316 с.
- Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.
- Канашина, С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Канашина. – М., 2016. – 27 с.
- Коннолли, Дж. Х. Реконтекстуализация, ремикотизация и их анализ с точки зрения структуры, основанной на FDG / Дж. Х. Коннолли // Pragmatics. – 2014. – Т. 24, вып. 2. – С. 377–397. – DOI: 10.1075/prag.24.2.09con.
- Лотман, Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарии / Ю. М. Лотман. – СПб., 1995. – С. 187–211.
- Петрова, А. В. Когнитивно-дискурсивная методика анализа американского креолизованного текста / А. В. Петрова, М. В. Петров, Е. В. Шустрова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2020. – № 4. – С. 75–86.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том 10. Письма / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 910 с.
- Ремчукова, Е. Н. Динамика прецедентного знака в медиатексте: «прецедентное клише» как стандарт, «прецедентный комплекс» как творчество / Е. Н. Ремчукова. – Текст : электронный // Медиалингвистика. – URL: <https://repository.rudn.ru/record/sources/recordsource/12840/> (дата обращения: 10.10.2024).
- Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания / под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
- Седова, Г. М. Почему «Пушкин – наше все»? / Г. М. Седова. – URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/pushkin-nashe-vse/> (дата обращения: 20.09.2024). – Текст : электронный.
- Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 180–186.

Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 35–73.

Тарасов, Е. Ф. Креолизованный текст. Смысловое восприятие : коллективная монография / Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. – М. : Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.

Федоров, К. Ю. Концепция мема как методологический инструмент / К. Ю. Федоров // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2024. – Т. 48, № 3. – С. 26–43.

References

- Akhmatova, A. A. (2024). *Slovo o Pushkine* [A Word about Pushkin]. Moscow, Eksmo. 320 p.
- Brodsky, I. A. *Nobelevskaia lektsiia* [Nobel Lecture]. URL: <http://lib.ru/BRODSKI/lect.txt> (mode of access: 10.10.2024).
- Bubnova, I. A. (2007). Znachenie slova kak edinita individual'nogo soznaniia (psikholingvisticheskii aspekt) [The Meaning of a Word as a Unit of Individual Consciousness (Psycholinguistic Aspect)]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 5, pp. 13–19.
- Budarina, O. A. (2019). Internet-mem kak novaya forma massovoi kul'tury [Internet Meme as a New Form of Mass Culture]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 2 (88), pp. 98–106.
- Connolly, J. H. (2014). Rekontekstualizatsiia, remikiotizatsiia i ikh analiz s tochki zreniia struktury, osnovannoi na FDG [Recontextualization, Remikiotization and Their Analysis from the Perspective of an FDG-Based Framework]. In *Pragmatics*. Vol. 24. Issue 2, pp. 377–397. DOI: 10.1075/prag.24.2.09con.
- Dokinz, R. (1993). *Egoistichnyi gen* [Selfish Gene]. Moscow, Mir. 316 p.
- Fedorov, K. Yu. (2024). Kontsepsiia mema kak metodologicheskii instrument [The Meme Concept as a Methodological Tool]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. Vol. 48. No. 3, pp. 26–43.
- Gridina, T. A. (2006). Psikhologicheskaya real'nost' znachenii i assotsiativnaya strategiiia yazykovoi igry [Psychological Reality of Meaning and Associative Strategy of a Language Game]. In *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*. No. 4, pp. 11–24.
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2019). Aksiologicheskie dominanty sotsiuma v zerkale igrovogo mediateksta [Axiological Dominants of Society in the Mirror of Gaming Media Text]. In *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovani: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2019 goda*. Ekaterinburg, Izdatel'skii dom «Azhar», pp. 73–74.
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Sotsiokul'turnye aspekty vospriiatiia igrovyykh polikodovykh tekstov v prostranstve sovremennogo goroda [Sociocultural Aspects of the Perception of Game Polycode Texts in the Space of a Modern City]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 5 (95), pp. 49–59.
- Gridina, T. A., Talashmanov, S. S. (2020). Metazykovoi mem: lingvokreativnye mekhanizmy porozhdeniia i vospriiatiia [Metalinguistic Meme: Linguocreative Mechanisms of Generation and Perception]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2 (80), pp. 134–143. DOI: 10.26170/pl20-02-14. EDN BZFQUL.
- Issers, O. S. (2017). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LENAND. 308 p.
- Kanashina, S. V. (2016). *Internet-mem kak novyi vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikatsii* [Internet Meme as a New Type of Multimodal Discourse in Internet Communication]. Avtoref. dis ... kand. filol. nauk. Moscow. 27 p.
- Lotman, Yu. M. (1995). *Pushkin: Biografiia pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; «Evgenii Onegin»: Kommentarii* [Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary]. Saint Petersburg, pp. 187–211.
- Petrova, A. V., Petrov, M. V., Shustrova, E. V. (2020). Kognitivno-diskursivnaya metodika analiza amerikanskogo kreolizovannogo teksta [Cognitive-Discursive Methodology for Analyzing American Creolized Text]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiia»*. No. 4, pp. 75–86.
- Pushkin, A. S. (1951). *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Complete Works, in 10 vols.]. Vol. 10. Pis'ma. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 910 p.
- Remchukova, E. N. Dinamika pretsedentnogo znaka v mediatekste: «pretsedentnoe klishe» kak standart, «pretsedentnyi kompleks» kak tvorchestvo [Dynamics of a Precedent Sign in a Media Text: “Precedent Cliché” as a Standard, “Precedent Complex” as Creativity]. In *Medialingvistika*. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/recordsources/recordsource/12840/> (mode of access: 10.10.2024).
- Sedova, G. M. *Pochemu «Pushkin – nashe vse»?* [Why is Pushkin Our Everything?]. URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/pushkin-nashe-vse/> (mode of access: 20.09.2024).
- Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiia [Creolized Texts and Their Communicative Function]. In *Optimizatsiia rechevogo vozdeistviia*. Moscow, Nauka, pp. 180–186.
- Stepanov, Yu. S. (1995). Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Causality]. In Stepanov, Yu. S. (Ed.). *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sb. st.* Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN, pp. 35–73.
- Tarasov, E. F., Nistratov, A. A., Matveev, M. O. (2020). *Kreolizovannii tekst. Smyslovoe vospriiatie* [Creolized Text. Semantic Perception]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN. 206 p.
- Van Dyck, T. A. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress. 310 p.

Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V., Gudkova, D. B. (Ed.). (2004). *Russkoe kul'turnoe prostranstvo. Lingvokul'turologicheskii slovar'. Zoomorfnye obrazy. Pretsedentnye imena. Pretsedentnye teksty. Pretsedentnye vyskazyvaniya* [Linguistic and Cultural Dictionary. Zoomorphic Images. Precedent Names. Precedent Texts. Precedent Statements]. Moscow, Gnozis. 318 p.

Данные об авторах

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: sakralist@mail.ru.

Authors' information

Gridina Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Konovalova Nadezhda Ilyinichna – Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 02.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 02.11.2024; date of publication: 28.12.2024